

Н.Г. Кедров

РЕПРЕССИИ ДУХОВЕНСТВА
В УСТЮЖЕНСКОМ РАЙОНЕ

в 1920-х – 1930-х годах

(к изучению эволюции карательной политики
Советского государства)

Сегодня говорить о том, что политика Советского государства в отношении религии и церковной организации носила в целом антирелигиозный и антицерковный характер, было бы, по меньшей мере, банально. Судьбам русского православия в трагическую для него эпоху 1920-х – 1930-х годов посвящена значительная литература¹. Исторический путь духовенства соответственно тоже в последние два десятилетия привлекал внимание различных исследователей – от краеведов до академических ученых. Однако нередко историческое повествование при этом превращалось в панегирик новым героям-мученикам. Может показаться парадоксальным, но церковная историография в этом вопросе оказалась критичнее светской. Массовое причисление Русской православной церковью к сонму святых новых подвижников потребовало от церковных историков подробного рассмотрения их жизненного пути, документального подтверждения их подвига веры. Бессспорно, ведущее место в этом процессе занял Свято-Тихоновский богословский университет, сотрудниками которого были собраны и проанализированы материалы к биографиям тысяч священно- и церковнослужителей². Ими же были разработаны и скрупулезные методики проверки следственных дел, до сих пор остающихся важнейшим источником для изучения репрессивной политики в отношении Церкви³. Тем не менее, тема требует дальнейшего изучения. Одним из ее аспектов, на который, на наш взгляд, следует обратить пристальное внимание, является вопрос об эволюции репрессивной практики советских властей. В этом отношении особенно важны исследования, выполненные на локальном материале, поскольку точечность фокусировки подобного исследования, из-

бежав опасности растворения в почти безбрежном океане материалов следственных дел, позволяет сравнивать различные репрессивные акции власти за достаточно длительный период времени.

Первым репрессивным актом в отношении духовенства в Устюженском уезде, по известным нам данным, стала расправа над священником Бельской церкви о. Павлом Кушниковым, случившаяся в феврале 1918 года. 22 числа этого месяца два представителя местного исполнительного комитета арестовали о. Павла, обвинив его в «укрытии оружия для белогвардейцев». Стоит отметить, что о последних в тех краях на тот момент еще не слышали. Так, корреспондент «Новгородских епархиальных ведомостей» писал: «Народ не понимает, что такое белогвардейство». Обыск же, произведенный в доме о. Павла, никакого оружия не выявил. Тем не менее, 23 февраля священнослужитель Бельской церкви был расстрелян⁴. Стоит сказать и об исполнителях этого кровавого акта, хотя имена их до сих пор остаются нам неизвестны. Однако дела говорят сами за себя. За два дня до расстрела П.А. Кушникова ими были незаконно (вопреки решению народного суда) расстреляны пять ни в чем не виновных человек, причем перед этим несчастные подвергались пыткам и были ограблены. Один из них, Александр Моденский, незадолго до расстрела публично обвинил своих убийц в «уголовном прошлом»⁵. Бездоказательность обвинений, отсутствие суда, кровавая расправа над священником лицами с темным прошлым вряд ли может укладываться в контексте какого-либо курса осмысленной государственной политики. Скорее этот случай можно отнести к фактам варварских расправ над мирными людьми, вызванных немыслимой эскалацией насилия, порожденного событиями революции и начинаящейся Гражданской войны. Но этот случай приобрел широкую известность. Так, патриарх Тихон упомянул имя иерояна Павла Кушникова в своей молитве «об упокоении рабов Божих, за веру и Церковь Православную убиенных», прозвучавшей 31 марта (13 апреля) в стенах Московской духовной семинарии⁶.

Смертью о. Павла несчастья семьи Кушниковых не ограничились. Летом того же года по обвинению в контрреволюционной агитации был арестован отец расстрелянного священника заслуженный протоиерей Моденской Преображенской церкви Александр Михайлович Кушников. Разумеется, у о. Александра была своя причина обижаться на власть, поэтому, кто знает, может быть, когда-то и сорвалось с его уст неосторожное слово. Однако подлинная подопле-

ка его ареста оказалась более прозаичной. Дело в том, что в хозяйстве о. Александра имелся излишек зерна, о котором стало известно местному Моденско-Плотичьевскому волостному исполнительному комитету. Последний предписал излишек изъять, чему о. Александр в общем-то и не препятствовал. Однако вместо комиссии к батюшке за зерном стали приходить сами служащие комитета и их родственники. Отец Александр беспрекословно выполнил их требования. Но деревенский мирок тесен. Когда о фактах злоупотребления стало известно, возмущенные жители провели перевыборное собрание, на котором провинившийся председатель волисполкома был отстранен

Протоиерей Александр Михайлович Кушников
с одним из внуков (фото начала XX века)

от должности. После этого случая он и его прежние сослуживцы, которые, вероятно, тоже опасались за свою судьбу, стали писать доносы в Устюженский уисполком. В них они обвиняли о. Александра в антисоветской контрреволюционной деятельности и даже угрожали, что в случае сохранения *status quo* снимают с себя ответственность за общественное спокойствие в волости. Время тогда было нестабильное, нередкими были крестьянские волнения, поэтому устюженские власти, не особенно разобравшись в ситуации, послали отряд красноармейцев для ареста моденского священника⁷. В дальнейшем, несмотря на неоднократные ходатайства в поддержку о. Александра, присылаемые жителями волости, он был осужден на один год тюремного заключения. Однако вскоре в связи с празднованием первой годовщины Октябрьской революции о. Александра амнистировали, и он возобновил служение в приходе⁸. Важно подчеркнуть, что суть конфликта, лежавшего в основе ареста о. Александра, как и в предыдущем случае, была далека от политики. Это были противоречия, имевшие место внутри деревенского сообщества. Очевидно, что именно подобные факты во многом и определяли на данном этапе государственно-церковных отношений направленность карательной практики Советского государства на местах.

Следующий известный нам репрессивный акт произошел в 1921 году. Тогда к суду были привлечены почти все городские священники Устюжны: протоиерей И. Адрианов, иереи К. Спасский, М. Смирнов, Д. Ростовцев, С. Казанский, А. Беляев, Д. Тюльпанов. Организатором дела выступала ЧК, суду предшествовало предварительное следствие, в домах священников были произведены обыски. В мае состоялся суд. Власти всячески стремились придать последнему широкую огласку. Заседание было открытым, а сам процесс носил состязательный характер. Кроме всего прочего, «дело духовенства» освещалось в местной периодической печати⁹. С блестящей защитительной речью на суде выступил о. И. Адрианов: сказалась долгая практика проповедования. Присутствующие в зале требовали освобождения священников, а устюженский художник М.И. Зорин даже запечатлел о. Иоанна во время его выступления на своем рисунке¹⁰. Приговор не отличался особой суровостью. Суд приговорил о. Иоанна к двум годам исправительных работ, К. Спасского и М. Смирнова — к одному году условно, остальные священнослужители были оправданы. Впрочем, неизвестно, отбыл ли полностью или даже частично свое наказание о. Иоанн, поскольку его имя неодно-

кратно фигурирует в церковной переписке того времени. Очевидно, власть преследовала иную цель, нежели наказать духовенство, скорее всего ей был просто нужен показательный процесс, для того чтобы все знали, кто хозяин в городе. Своей цели она добилась: последующая кампания по изъятию церковных ценностей прошла в Устюжене и районе без лишних эксцессов со стороны верующих. Еще одной целью, по всей видимости, была попытка подорвать авторитет устюженского духовенства и его влияние на массы. Последнее согласуется с развернутой на страницах местной периодики кампанией по всяческому обличению и высмеиванию духовенства.

И. Адрианов на суде. Рисунок М.И. Зорина

Нам неизвестно более других случаев возникновения политических процессов против духовенства на территории Устюженского района вплоть до 1929 года. В Череповецкой же губернии они имели место, хотя и не отличались особой жестокостью карательных мер, применяемых властью. Так, арестованный в 1926 году за критику советской власти, религиозное преподавание школьникам, именование детей при крещении по святым, а не документам ЗАГСа священник Николо-Выксинской церкви Ольховской волости Череповецкого уезда М.П. Смирнов был в начале 1927 года оправдан¹¹. Десятилетием позже приговор за такие проступки мог быть весьма суровым. Показателен и тот факт, что на 1925 год во всех исправительных учреждениях Череповецкой губернии отбывали заключение только 22 представителя «нетрудовых элементов» (священники вместе с торговцами, промышленниками и царскими офицерами), что составляло 2,7 процента от числа всех заключенных¹². По всей видимости, в 1920-е годы репрессивный элемент не играл еще большого значения в государственной политике по отношению к духовенству.

Переломным в судьбах устюженского духовенства, как и в судьбах великого множества жителей СССР, стал 1929 год. Начавшаяся коллективизация усилила административное воздействие государства на общественный организм. Лозунг усиления классовой борьбы на новом этапе строительства социализма привел к интенсивному поиску классовых врагов. В число последних неизменно попадали и священнослужители. По отношению к ним стали применять привлечение к принудительным работам, обложение налогами в индивидуальном порядке и другие формы дискриминации. Все эти меры не вызвали большого восторга в среде духовенства, что органически вылилось в появление таких форм общественного протesta, как распространение слухов и настроений самого разного толка (от политических до эсхатологических). Последние часто воспринимались властью как антисоветская деятельность и порождали ответное преследование со стороны карательных органов.

Уже в середине 1929 года в Устюжне властью был устроен процесс о присвоении церковных ценностей священнослужителями и членами церковного актива соборной общины. Поводом для него послужила давняя и запутанная история. Официальная версия ее такова. В 1922 году при изъятии церковных ценностей духовенство собора скрыло от глаз экспроприаторов часть драгоценной ризы с чудотворной иконы Смоленской Божией Матери. Верующие объяс-

няли пропажу кражей. В 1929 году в целях усиления финансового давления на общину (в соответствии с вновь полученными инструкциями) государственными органами было решено наложить на общину иск о возмещении ущерба (который, кстати, оценивался в сумму не менее 10 тысяч рублей), произошедшего вследствие этой кражи. В этих целях был произведен осмотр имущества собора. При осмотре сохранившейся части ризы комиссия обнаружила недостачу оставшихся после кражи драгоценных камней. Начались обыски у духовенства собора и верующих, в результате которых были обнаружены как недостающие камни, так и «похищенные» детали ризы.

И.Д. Адрианов с супругой

Изъятая переписка церковных деятелей подтвердила версию правоохранительных органов о присвоении ценностей. Уже через четыре дня после первого осмотра собора было заведено уголовное дело на священников: протоиерея И.Д. Адрианова, иерея С.И. Казанского и членов правления общины Варзанова и Иконникова¹³. Нам неизвестны результаты судебного решения в отношении большинства

из привлеченных к ответственности по этому делу лиц, однако сам И.Д. Адрианов, по сведениям родственников, был отправлен на Соловки, где вскоре и оборвалась его жизнь¹⁴.

В конце того же 1929 года за антисоветскую агитацию был привлечен заштатный священник И.С. Потапов, который, помимо рассказов «о скором пришествии антихриста, голоде и чудесах», говорил об экономических трудностях страны, объясняя их карой Божией¹⁵. Ему повезло больше, чем о. Иоанну. Заплатив штраф в 160 рублей, о. Илларион даже смог продолжить служение в качестве священника сначала при Долоцкой, а затем при устюженской Благовещенской церквях¹⁶. Другим везло меньше. В 1930 году вместе с семьей был выслан в административном порядке на спецпоселение священник одной из устюженских церквей Кедров (по-видимому, протоиерей С.В. Кедров). Впоследствии в 1937–1938 годах он был расстрелян¹⁷.

Прошедшая в 1929–1930 годах волна репрессий не обошла стороной и район. Местом, где была развернута репрессивная политика, стала деревня Оснополье. Выбор власти был не случаен. В 1929 году после прошедших хлебозаготовок население «остро нуждалось в хлебе». Так, приехавшие в декабре 1929 года на пленум сельсовета представители райисполкома в сводке отмечали: «Выяснилось почти контрреволюционное настроение со стороны значительной части присутствующих». Эмиссары власти пришли к следующему выводу: «Есть определенные лица, ведущие разлагающую работу среди крестьян»¹⁸. К числу таких лиц был отнесен и священник Оснопольской церкви Л.В. Яковцевский. Уже с весны 1930 года ОГПУ стало формировать обвинительные материалы по его делу. Отец Леонид обвинялся в распространении слухов, разлагающей деятельности, хранении серебряных денег, найденных у него при обыске. Все обвинения, помимо последнего, формировались посредством свидетельских показаний. Для вскрытия механизмов создания органами ОГПУ политического обвинения обратимся к анализу последних, поскольку, на наш взгляд, полная фальсификация следственных дел, ставшая типичной в конце 1930-х годов, в то время еще не стала отличительной чертой деятельности репрессивных органов государства, хотя определенные шаги в этом направлении уже делались. Об их частичной достоверности говорит и само содержание свидетельских показаний, включающих в себя в отдельных случаях достаточно частные сюжеты личной жизни граждан, которые вряд ли могли попасть в заранее подготовленный протокол.

Свидетелями по делу, кроме секретаря оснопольской ячейки ВКП(б) — так сказать, свидетеля на должности (он писал характеристику), выступили четыре гражданских лица¹⁹. Все четверо были моложе 30 лет, двое из них состояли членами ВКП(б), один — членом ВЛКСМ. Эти факты говорят о том, что властью для дачи показаний подбирались те люди, в лояльности которых она была уверена. Еще один вопрос заключается в том, насколько хорошо эти люди знали о. Леонида, чтобы судить о его действиях. Исходя из анализа материалов, можно утверждать, что оснопольского священника более или менее лично знал лишь один из свидетелей. Один из давших показания в Оснopolе не жил, другой был не местным. Двое работали на судоверфи в поселке им. Желябова, находившемся в нескольких километрах от Оснopolя, и знать о происходящем в последнем могли лишь по деревенским слухам (источник информации во всех отношениях надежный, но, как говорится, не из первых рук). Один из свидетелей сам заявил: «Что было раньше, что представлял поп Яковцевский — сказать не могу, т.к. я им не интересовался, в церковь сам я не хожу лет 15-ть»²⁰. Откуда же тогда взялись сведения об антисоветской деятельности о. Леонида? Ответ на этот вопрос может подсказать текстуальный анализ свидетельских показаний.

При внимательном их изучении становится очевидной одна характерная черта. Во всех показаниях высказываются одни и те же мысли, причем в близких друг к другу выражениях. Различия наблюдаются лишь в порядке расположения в тексте показаний этих сходных высказываний. Приведем лишь два подобных примера. Так, в документах указывается, что священник Яковцевский настраивает религиозных женщин вести «антисоветскую пропаганду». Вот что говорят по этому вопросу показания совершенно различных людей.

1. «Он (священник Яковцевский. — Н.К.) использует приближенных ему женщин, причем последние, попадая под его влияние, уговаривают мужей»²¹.

2. «Во время ряда кампаний, на собраниях и на сходах настроенные женщины выступают против проводимых мероприятий Советской власти»²².

3. «Я вижу, что поп Яковцевский через своих приближенных женщин проводил свою политику по срыву мероприятий Советской власти»²³.

Еще один характерный пример — об отношении о. Леонида к сыплющимся на него притеснениям со стороны власти.

1. «При обложении каким-либо налогом поп Яковцевский всегда делает себя в глазах верующих страдальцем»²⁴.

2. «Поп Яковцевский представляет себя страдающим в глазах прихожан»²⁵.

3. «В крайнем случае, бежит по избам со страданиями, что его притесняют»²⁶.

4. «При обложении попа Яковцевского налогом в январе месяце 1930 года последний изобразил себя страдающим, ходил со списком и просил по избам помочь и поддержать его»²⁷.

При подробном рассмотрении свидетельских показаний оказывается, что какие-либо частные детали тонут в море подобных штампов. Кто знает, может, и действительно за ними стоят подлинные факты из жизни Л.В. Яковцевского. Во всяком случае, приводимые в показаниях данные не противоречат контексту эпохи. Однако вопрос в другом: как могли совершенно разные люди, плохо знавшие самого священника, с подобной однозначностью трактовать его поведение? Документы не дают ответа на последний вопрос, поэтому мы можем предложить лишь свою гипотезу происходившего. Скорее всего мы имеем дело с фактом предварительной подготовки содержания обвинения. Из биографии пострадавшего заранее выбирались какие-либо определенные факты, которые хотя бы «за уши» можно было связать с антисоветской деятельностью. Им придавались определенная идеологическая окраска и направленность, а затем они вкладывались в уста преданных «делу партии» людей. Таким путем и формировался состав обвинения. Компетентные органы тогда еще не прибегали к полной фальсификации дела (об этом говорят как частные факты, встречающиеся иногда в свидетельских показаниях, так и вполне объективные свидетельства самого о. Леонида). Однако определенные меры для того, чтобы дело проходило в русле, нужном властям, уже принимались.

В октябре 1930 года дело Л.В. Яковцевского было направлено для внесудебного разбирательства тройкой ОГПУ, которая и приговорила священника по статье 58 (пункт 10) к трем годам исправительно-трудовых лагерей. Дальнейшей судьбы о. Леонида мы не знаем, известно, однако, что еще в 1934 году он находился в заключении в тюрьме Свирского лагеря²⁸. Репрессии тем временем продолжались. В 1931 году были осуждены на три года высылки в Северный край дьякон Крутецкой церкви А.С. Малиновский и псаломщик этой же церкви В.Н. Поздеев²⁹. К тому же для применения судебного пре-

следования в отношении духовенства представителям власти вовсе и не обязательно было организовывать политический процесс. Поводом для ареста священника могли стать невыплата налога или отказ ехать на лесозаготовки. Судя по анкетам священнослужителей, где требовалось указывать данные о судимости, такие преследования по отношению к ним применялись отнюдь не редко. Имеющиеся в нашем распоряжении данные анкет об этом в обобщенном виде представлены в следующей таблице.

**СУДЕБНЫЕ ПРЕСЛЕДОВАНИЯ ДУХОВЕНСТВА
в 1929 – первой половине 1930-х годов**

Фамилия, инициалы священника	Год привлечения к ответственности	Характер проступка	Мера пресечения
Примов Н.В.	1929	Невыполнение хлебозаготовок	4 месяца принудительных работ
Потапов И.С.	1929	Распространение религиозных предрассудков	Штраф 160 руб.
(Пагольский) В.А.	1929	Нерегистрация проживающих в Николо-Моденском монастыре	Нет сведений
Осеченский Г.И.	1929	Невыполнение хлебозаготовок	Нет сведений
Кириллов А.Н.	1929	Ст. 169 УК	1 г. 6 мес.
Каратыгин И.П.	1929	Нет сведений	2 месяца принудительных работ
(Пагольский) В.А.	1930	Неуказание в анкете сведений о первой судимости	Штраф
Песков Д.С.	1930	Непрописка сведений в анкете	2 месяца принудительных работ
Добровидов И.К.	1930	Нет сведений	Оправдан судом

Фамилия, инициалы священника	Год привлечения к ответственности	Характер проступка	Мера пресечения
Каратыгин И.П.	1932	Ст. 161 УК	2 месяца принудительных работ
Смирнов М.А.	1932	Ст. 58 п. 10 УК	Нет сведений
Примов Н.В.	1932	Продажа коровы	2 года высылки
Долоцкий А.М.	1933	Невыполнение лесозаготовок	10 лет ссылки, оправдан

Составлено по: ЧЦХД. Ф. 15. Оп. 1. Д. 28. Л. 66; Д. 31. Л. 12–12об., Д. 32. Л. 95; Д. 40 (л. не пронумерован); Д. 46. Л. 101; Д. 48. Л. 147; Д. 49. Л. 114; Д. 53. Л. 59; Д. 53. Л. 86; Д. 56. Л. 86; Д. 59. Л. 234.

Разумеется, перечисленными случаями не исчерпывается вся полнота картины судебных преследований, однако они дают наглядное представление о поводах, служивших власти основанием для вынесения судебных санкций в отношении священно- и церковнослужителей. К сожалению, мы не имеем подобных данных за вторую половину 1930-х годов. При сравнении же с 1920-ми годами, когда случаи судов над духовенством все-таки были единичными, становится очевидным, что с начала 1930-х годов репрессивный компонент приобретает важное значение в практике административной политики государственных органов в отношении церковных организаций. Часто в судебных процессах карательной мерой выступает привлечение духовенства к принудительным работам. Впрочем, можно отметить, что привлечение к последним могло носить и административный характер. Так, священник Крутецкой церкви Н.А. Тугаринов, в 1930 году записавший в анкете служителя культа: «Под судом пока не был», — уже успел побывать в 1929 году на принудительных работах, о чем говорят неоднократные обращения Вознесенской религиозной общины города Устюжны (в которой он тогда служил) в органы власти с просьбой вернуть священника для служения в церкви³⁰. Вероятно, именно это обстоятельство привело к тому, что священник неожиданно сменил место службы с районного центра на достаточно удаленную деревню Крутец. Местом прохождения принудительных

работ для устюженских священников становились лесозаготовки в районе Пестова (примерно в 50 километрах от Устюжны). Условия труда там были тяжелые, поэтому нередким был производственный травматизм. Известно, что на лесозаготовках в результате несчастного случая погиб священник Даниловской церкви С.П. Лавров³¹. Трагично закончилась судьба и уроженца Устюжны священника Мелестовской церкви Пестовского района А.А. Каменева. Во время сплава леса он сломал ногу и был отправлен в Ленинградскую тюрьму Кресты для лечения, однако попал оттуда лишь в могилу³².

Новый пик репрессий в отношении духовенства приходится на 1937 год. К этому времени репрессии уже планировались и подготавливались как заранее продуманные операции НКВД по выявлению «врагов народа». Сегодня благодаря ряду исследований последних лет хорошо известны механизмы развертывания и осуществления подобных операций³³. По данным А.Я. Разумова, выявленным им в архивах ФСБ, Ленинградским управлением НКВД было организовано 12 оперативных секторов, центр одного из которых находился в Устюжне. В состав Устюженского оперсектора входили территории Устюженского и Пестовского районов. Его деятельность руководил майор Долганов, в распоряжении которого находилось еще 20 человек (в основном курсанты НКВД и сотрудники милиции). Сама репрессивная операция была развернута по приказу начальника Ленинградского управления НКВД 1 августа 1937 года. Репрессии осуществлялись в соответствии с утвержденными планами, в которых заранее определялось количество лиц, подлежащих расстрелу и заключению на различные сроки³⁴. Репрессивная кампания 1937 года оставила ощутимый след в рядах духовенства и верующих Устюженского района.

В частности, в августе 1937 года был арестован священнослужитель Парковской церкви В.Н. Кириллов. В вину ему были поставлены: организация вместе с М.К. Чебуковым контрреволюционной группы (в которую, по мнению власти, также входили председатель колхоза «Парково» А.П. Морозов и устюженский часовий мастер Ф.А. Скворцов), дискредитация Советской власти, «превозношение врагов народа» — Л.Д. Троцкого, М.Н. Тухачевского, И.Э. Якира, а также деятельность по подрыву колхозов с целью восстановления «капиталистической формы ведения хозяйства»³⁵. Сущность показаний и широко распространившаяся к тому времени практика фальсификации дел не позволяют на основании свидетельских по-

казаний восстановить суть дела, если вообще таковая существовала. Вероятнее всего, эти люди были просто знакомыми, время от времени встречались, обсуждали насущные проблемы. Предполагать, что сельский священник и агроном задумывались о смене общественно-го строя, было бы нелепо. Тем не менее, приговор Особой тройки НКВД был суров: В.Н. Кириллова и М.К. Чебукова — расстрелять, П.А. Морозова и Ф.А. Скворцова — приговорить к 10 годам ИТЛ³⁶. Чебуков и Кириллов были расстреляны 30 октября 1937 года и похоронены на Левашевском кладбище под Ленинградом. Органы же НКВД арестовывали все новых и новых лиц, обвиняя их уже в связях с данной «контрреволюционной группой»³⁷. Таким образом, к 1937 году репрессивная политика государства приобрела еще одну черту — массовый характер.

Одним из наиболее значительных репрессивных актов власти в отношении духовенства на территории Устюженского района можно считать «моденское дело». Прологом и прямым поводом к его началу стал арест в Белозерском районе бывшего настоятеля Филиппо-Ирапского монастыря игумена Аликия (Быстрова), обвиненного в контрреволюционной деятельности. Органы НКВД быстро установили список лиц, навещавших игумена за последние несколько лет перед арестом. Среди них оказался и бывший послушник Николо-Моденского монастыря А.М. Жарин, служивший в то время в церкви Шалочской пустыни. В мае 1937 года он всего на сутки заезжал навестить игумена Аликия, пользовавшегося большим авторитетом в церковных кругах³⁸. Тем не менее, для того чтобы арестовать А.М. Жарина, хватило и этого. Однако заводить дело из-за одного «церковника» в органах НКВД в то время было не принято. Согласно указаниям, следовало искать «вредительские организации». Поэтому вместе с ним были арестованы священник Моденской церкви Н.Н. Савицкий, а днем позже и часть членов приходского совета Моденской церкви (С.С. Мурашев, В.И. Виноградов, А.Н. Бойцов, И.А. Беляев, Т.Е. Павлушкина и А.И. Бойцова). Арестовали также плотника П.И. Болтунова, который вел ремонт церковной колокольни³⁹. Всех их отправили в устюженскую тюрьму на время ведения следствия.

Следствие развивалось стремительно. На первом же допросе А.М. Жарина сотрудники НКВД узнали, что он — сын судовладельца. Выяснилось и то, что с 1905 по 1914 год он был на послушании в Валаамском монастыре (последний в 1937 году находился

Священник Николай Николаевич Савицкий с женой
Ниной Александровной (фото нач. XX века)

на территории Финляндии). В условиях сталинской юстиции этого вполне хватало для обвинения в сотрудничестве с иностранной разведкой. При обыске у него даже удалось найти одну финскую монету. К тому же, как выяснилось, в 1929 году А.М. Жарин отправлял письмо в Коневский монастырь, в то время тоже находившийся в Финляндии. Для сотрудников НКВД все доказательства вины были очевидны, не потребовалось в данном случае и какой-либо фальсификации дела. Поразительно то, что у А.М. Жарина хватило мужества отвергнуть все обвинения в «контрреволюционной деятельности». Так, на трижды повторенный сотрудниками НКВД вопрос,

какие «контрреволюционные установки» он получал от о. Аликия (Быстрова), А.М. Жарин неизменно отвечал, что таковых не получал вовсе⁴⁰. Отец Николай Савицкий, на которого по сути органы НКВД ничего не имели, полностью признавал свою вину⁴¹. Кто знает, чего ему стоила эта подпись под документом. Сегодня хорошо известно, как из подследственных выбивались подобные признания. Наверное, не избежал этой участи и о. Николай, во всяком случае в его показаниях нет ни одного конкретного факта, который можно было бы соотнести с жизнью того времени, а лишь одни сухие штампы, часто используемые в подобных документах. Вынесенный приговор был типичным для тех лет: Жарина и Савицкого — расстрелять, всех остальных — приговорить к 10 годам ИТЛ⁴². Вскоре приговор был исполнен. До сих пор остается неизвестным место, где были захоронены расстрелянные.

В ходе репрессивной кампании 1937 года пострадал и ряд видных членов Казанской обновленческой общины города Устюжны. Поводом для формирования этого дела, вероятнее всего, послужило сообщение секретного осведомителя НКВД о том, что среди верующих Казанского храма распространяется нелегальная литература. После этого были арестованы председатель общины Н.И. Макаров, его брат К.И. Макаров и церковный сторож В.Е. Чесавин. Выбор власти был не случаен. Помимо того, что эти люди были лидерами прихожан, все трое до революции служили стражниками, а К.И. Макаров был даже унтер-офицером царской армии. При обыске жилища В.Е. Чесавина сотрудники НКВД обнаружили у него запрещенную книгу «Великое малое, близ грядущий Антихрист и царство Диавола на земле», более известную как «Протоколы сионских мудрецов», которую он и давал читать Н.И. Макарову. Прочие распространяемые В.Е. Чесавиным среди верующих книги, такие как «Библия» и «Отдых крестьянина», носили явно безобидный характер, что, однако, не помешало следователям приписать ему создание «нелегальной библиотеки». Относительно главы Казанской общины Н.И. Макарова следствие «выяснило», что он распространял слухи о начале войны с Японией и скорой ликвидации колхозов, а также во время выборов в Верховный Совет СССР предлагал в качестве кандидатуры священника Казанской церкви Н.Н. Адрианова. В итоге все трое были приговорены к 10 годам лишения свободы каждый⁴³. По странному стечению обстоятельств, их участи удалось избежать обновленческому священнику Н.Н. Адрианову, который в очередной

раз отрекся от священнического сана, тем самым подтвердив свою лояльность власти. Тем не менее из общественной жизни были устранины наиболее активные деятели прихода, до этого успешно боровшиеся против закрытия храма, который после этого бездействовал, хотя и не считался официально закрытым. Судя по всему, в такой же ситуации после 1937 года оказались и другие религиозные общества района, поскольку в документах конца 1930-х годов они нередко указывались как бездействующие. В Устюженском районе репрессии 1937 года, пожалуй, оказались наиболее разрушительными за весь советский период существования Церкви. Власти широко использовали практику формирования групповых дел, что позволяло им скорейшим образом устранять из общественной жизни вместе с рядом священнослужителей и наиболее активную часть верующих. Другая часть церковного актива ушла в своего рода подполье, нередко исполняя православные обряды в частных домах. Эти обстоятельства впоследствии позволили власти завершить кампанию по закрытию храмов.

На этом вряд ли стоит ставить точку в изучении репрессивной политики в отношении духовенства и деятелей церковных общин в Устюженском районе. При условии дальнейших исследований следственных материалов архива ФСБ, вероятно, станут известны новые факты репрессий, пополнятся списки имен их жертв. Но даже из анализа приведенных выше материалов вполне очевидно, что не следует взаимоотношения Советского государства и Русской православной церкви в период 1920-х – 1930-х годов рисовать одним цветом. В нашей статье, опубликованной в шестом выпуске альманаха «Устюжна», мы отмечали, что в практике органов власти по отношению к церковным организациям Устюженского района присутствовали четыре элемента: функционально-ограничительный, контрольно-регулирующий, конфискационный и репрессивно-запретительный⁴⁴. Сама практика репрессий в течение первых двух десятилетий советской власти претерпела значительные изменения. Если первые репрессивные акции носили полустихийный характер и отчасти были обусловлены всеобщей эскалацией насилия в годы Гражданской войны, то к концу 1930-х годов они представляли собой хорошо спланированные и организованные кампании. Характерным представляется и то, что с течением времени увеличивались массовость и жестокость репрессий, совершенствовались механизмы формирования и фальсификации политических обвинений. Изменялась и роль

местных властей в репрессивной практике государства. Если репрессивные акции первых лет советской власти в значительной мере были следствием локальных противоречий, в условиях коллективизации на рубеже 1920-х — 1930-х годов заинтересованность в них местных организаций также заметна, то кампания 1937 года прошла в соответствии с планами и лимитами, спускаемыми «сверху» (что не отрицает возможности ее общественной поддержки, но это уже другая проблема). В целом репрессии в отношении духовенства и верхушки религиозных обществ привели к дезорганизации церковной жизни в районе. Их влияние определяется не столько числом жертв, сколько разрушением социальных связей, лежащих в основе приходских сообществ. Во многом в силу этого религиозная жизнь в крае с конца 1930-х годов приобрела полуподпольный характер, а в сознании верующих сформировались черты корпоративной замкнутости, сохранившиеся и в последующие десятилетия.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Одинцов М.И. Государство и церковь (история взаимоотношений. 1917—1938 гг.) М., 1991; Цыпин В. История Русской Православной Церкви. 1917—1990. М., 1994; Васильева О.Ю. Русская православная церковь и Советская власть в 1917—1927 годах // Вопросы истории. 1993. № 8; Она же. Русская православная церковь в 1927—1943 годах // Вопросы истории. 1994. № 4; Кащеваров А.Н. Государство и церковь (из истории взаимоотношений Советского государства и Русской православной церкви в 1917—1945 гг.). СПб., 1995; Фирсов С.Л. Время в судьбе: святейший Сергий патриарх Московский и всея Руси. К вопросу о генезисе «сергианства» в русской церковной традиции XX века. СПб., 1999; Митрофанов Г. История Русской Православной Церкви 1900—1927. СПб., 2002; Шкаровский М.В. Русская православная церковь при Сталине и Хрущеве. М., 2000; и др.

² См., например: За Христа пострадавшие. М., 1997.

³ Романова С.Н. «Дела по обвинению» православного духовенства и мирян 1937—1938 годов // Отечественные архивы. 2001. № 4. С. 4—12; Головкина Л.А. Особенности прочтения следственных дел в свете канонизации новомучеников и исповедников российских // Региональные аспекты исторического пути православия: архивы, источники, методология исследований. Вологда, 2001. С. 69—77.

⁴ М. Кровавое дело в Белых Крестах и с. Бельском Устюженского уезда, 21—23 февраля // Новгородские епархиальные ведомости. 1918. № 7. С. 121.

⁵ Там же.

⁶ Цыпин В. История Русской Православной Церкви. 1917—1990. С. 32.

⁷ Государственный архив Новгородской области (ГАНО). Ф. 481. Оп. 1. Д. 119. Л. 1—3.

⁸ Там же. Л. 6.

⁹ Устюжанин [г. Устюжна]. 1921. 21 мая (№ 17); Коммунист [г. Череповец]. 1921. 30 января; Беляев Л.А. Противостояние священнослужителей и атеистов Устюженского края в первые годы Советской власти (по материалам уездной газеты «Устюжанин» и губернской газеты «Коммунист»). СПб., 2001. С. 2. Рукопись. (Архив автора).

¹⁰ Конкина Л.В. Художник и учитель рисования Михаил Ионович Зорин // Устюжна: краеведческий альманах. Вологда, 1995. Вып. 3. С. 106.

¹¹ Архив Управления ФСБ по Вологодской области. Фонд следственных дел. Д. П-3694. Л 106—108, 111. Следует отметить, что в 1931 г. М.П. Смирнов вторично был привлечен к ответственности за антисоветскую агитацию. На этот раз это стоило ему 5 лет заключения (Там же. Д. П-7466. Л. 34—38).

¹² Череповецкий центр хранения документации (ЧЦХД). Ф. 18. Оп. 3. Д. 1. Л. 61.

¹³ Вологодский областной архив новейшей политической истории (ВОАНПИ). Ф. 2264. Оп. 1. Д. 46. Л. 90—90об. Этот эпизод глубоко отразился в памяти устюжан и оброс легендами. До сих пор встречаются его альтернативные трактовки. Так, Л.А. Беляев (со слов О.П. Беляевой) писал, что причиной ареста о. Иоанна Адрианова послужило то обстоятельство, что во время изъятий 1922 г. он выбросил в окно напрестольный крест (Беляев Л.А. Указ соч. С. 2). По воспоминаниям В.П. Адрианова, священник поплатился за то, что утаил две иконы для верующих (Устюженский краеведческий музей (УКМ). Ф. 3 (СП). К. 144. Д. 6/8).

¹⁴ УКМ. Ф. 3 (СП). К. 144. Д. 6/8.

¹⁵ ВОАНПИ. Ф. 2264. Оп. 1. Д. 46. Л. 108.

¹⁶ ЧЦХД. Ф. 15. Оп. 1. Д. 31. Л. 12—21об.

¹⁷ Денисова М.С. От Обухова до Москвы // Устюжна: краеведческий альманах. Вологда, 2000. Вып. 4. С. 137—138, 142.

¹⁸ ВОАНПИ. Ф. 2264. Оп. 1. Д. 46. Л. 108.

¹⁹ Архив Управления ФСБ по Вологодской области. Фонд следственных дел. Д. П-8347. Л. 6—9; 11—14. Фамилии и имена лиц автором не указываются в соответствии с правилами пользования следственными материалами архива ФСБ.

²⁰ Там же. Л. 13—14.

²¹ Там же. Л. 6—7.

²² Там же. Л. 8—9.

²³ Там же. Л. 13—14.

²⁴ Там же. Л. 11—12.

²⁵ Там же. Л. 6—7.

²⁶ Там же. Л. 8—9.

²⁷ Там же. Л. 13—14.

²⁸ Там же. Л. 22, 26.

²⁹ Вперёд [г. Устюжна]. 1994. 31 марта (№ 35).

³⁰ ЧЦХД. Ф. 15. Оп. 1. Д. 37. Л. 98; УКМ. Ф. 3 (Л). К. 11. Д. 2/20.

³¹ Информация предоставлена директором филиала УКМ в селе Даниловском С.Ю. Беловой, за что приносим ей искреннюю благодарность.

³² Валдаева Л. И угас, словно свечка... // Вперёд. 1993. 19 октября.

³³ Папков С.А. Сталинский террор в Сибири. 1928—1941. Новосибирск, 1997; Ватлин А.Ю. Террор районного масштаба: массовые операции НКВД в

Кунцевском районе Московской области 1937–1938 гг. М., 2004; Мозохин О.Б. Право на репрессии: Внесудебные полномочия органов государственной безопасности (1918–1953). М., 2006; Юнге М., Бордюгов Г., Биннер Р. Вертикаль большого террора. История операции по приказу НКВД № 00447. М., 2008; Хаустов В., Самуэльсон Л. Сталин, НКВД и репрессии 1936–1938 гг. М., 2009; Хлевнюк О.В. Хозяин. Сталин и утверждение сталинской диктатуры. М., 2010; и др.

³⁴ Разумов А.Я. Книга памяти «Ленинградский мартиролог 1937–1938» как источник для синодика Вологодской епархии // Религиозные аспекты исторического пути православия: архивы, источники, методология исследований. Вологда, 2001. С. 454–455.

³⁵ Архив Управления ФСБ по Вологодской области. Фонд следственных дел. Д. 14646. Л. 1, 90–26об.

³⁶ Там же. Л. 91.

³⁷ К истории репрессий 30-х годов / публ. М.А. Безнина // Устюжна: историко-литературный альманах. Вологда, 1993. Вып. 2. С. 227–228.

³⁸ Архив Управления ФСБ по Вологодской области. Фонд следственных дел. Д. 13580. Л. 10–13.

³⁹ Там же. Л. 1, 7–8, 14, 23, 30, 36, 42, 47, 53, 61; Ардашева Н.Д. О жизни Моденского прихода 1930-х годов. Л. 2. (Архив автора); Лапина Н.И. Воспоминания о церковной жизни Моден XX века. Л. 3. (Архив автора).

⁴⁰ Архив управления ФСБ по Вологодской области. Фонд следственных дел. Д. 13580. Л. 66–68, 70–71об.

⁴¹ Там же. Л. 74–76об.

⁴² Там же.

⁴³ Там же. Д. 13997. Л. 26–34, 37–41, 42–48, 74.

⁴⁴ Кедров Н.Г. Государство и церковная община в 1920-е – 1930-е годы: эволюция взаимоотношений в Устюженском районе // Устюжна: краеведческий альманах. Вологда, 2008. Вып. 6.